

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА ХДУ.
Нв. №

Воскресенье, 1-го Января 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10527

МАТВѢЙ ШАРАПЬЕВЪ.

Изъ больницы Матвѣй выписался только подъ Рождество. Денегъ у него совсѣмъ не было, и онъ направился къ старому товарищу.

Сгущались сумерки, и это было приятно Шарапьеву. „Никто не увидитъ, думалъ онъ. Встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ ему очень не хотѣлось, и онъ быстро шмыгалъ изъ переулка въ переулокъ. Разспрошу у Михайлы, какъ обстоять дѣла, можетъ быть, опять въ ресторанъ попаду...“ И чувствуя непрятное отъ непривычки ощущеніе вставного стеклянного глаза,—ему становилось не по себѣ. „Изъ-за глаза не примутъ...“, была его мысль, когда онъ входилъ въ широкій застроенный дворъ.

Въ маленькой, низкой, но чистой комнатѣ стоялъ Михайло и прикикивалъ на жену, которая разглаголала ему бѣлую уже ношеную ма- нишку.

— Складки не туда гнѣшь... ду- репа, сколько разъ учить буду!

— Ладно, ладно, вонъ смотри лучше, какая засаленная, а то склад- ки, складки!

— Гладь, говорю тебѣ, Марья!

Шарапьевъ вошелъ не постучав- шись. Звякнулъ скобочкой на двери, снялъ картузъ и, стараясь скрыть охватившее его смущеніе, громко сказалъ:

— Вечеръ вамъ добрый, Богъ на помощь!...

— А-а-а, Мотька, братъ, съ ка- кого свѣта? Живъ, здоровъ? Пожа- луй, братъ, гостемъ будешь, хоть и иди надо скоро...

— Въ „Акваріумъ“? какъ-то тоскливо спросилъ Шарапьевъ.

— Да, братъ, куда же намъ? въ „Ак- варіумъ“, понятно.

„Акваріумъ“ назывался ресторанъ при гостинице, гдѣ оба служили много лѣтъ.

— А что, какъ тамъ? спросилъ Шарапьевъ.

— Да все по старому. Павелъ Семе- нычъ какъ-то про тебя спрашивалъ. Гдѣ, говоритъ, онъ. Ну я, ко: ечно, ничего та- кого не сказалъ... Болѣеть, говорю.

— А теперь не спрашивалъ?

— Нѣтъ, что то не слыхалъ... А что, на ста: ое хочешь?

— Да ужъ, конечно, дѣваться некуда. А специальность какая же наша... Самъ знаешь. Развѣ вотъ въ калѣки записаться...

И тутъ Матвѣй не выдержалъ. Такъ захотѣлось ему раскрыть свою душу, ис- черпать до дна все свое горе, пережить вновь недавнее прошлое, страдая и упи- ваясь муками...

— Погубилъ, Михайло, и себя, и На- талку, началь онъ тико. Не законная, вѣдь, была, а жили-то какъ, жили-то какъ дружно, съ уваженiemъ... Понималъ я, что не мнѣ она пара, въ гимназии была, еслибы не мать ея—можетъ, барышней, а не модисткой вышла... Глаза-то какіе, глаза—звѣздами, а ростомъ царица! Не

Императрица Елизавета Петровна.

По случаю 150-лѣтія со дня єя смерти—25 декабря 1761 г.

Принцесса Юліана.

Наслѣдница Нидерланд- скаго престола.

тебѣ, братъ, разсказывать—самъ видѣлъ, самъ знаешь!

— Знаю-то знаю, да изъ чего сыръ- боръ загрѣхъ, лучше разскажи. Ей-то что... какъ будто глаза лишился...

И оттого, что Михайло хотя и сразу замѣтилъ его глазъ, но самъ не началъ разспрашивать,—Матвѣю стало легко на душѣ, и раскрылась она вся для Михайлы.

— Бѣда, братъ ты мой, все от- тогдѣ, что характеръ у нея не про- стой нашъ, а барскій. Минѣ-то она все позволяла, сама ласкала, а отъ постороннихъ ласкъ тоже не отка- зывалась. Вотъ и вышло у насъ. Я ее, пришедшіи не во-время изъ ресторана, съ офицеромъ засталъ и сдуру въ лицо плюнулъ, сквернымъ словомъ назвалъ, на улицу выгналъ, а забылъ, что она гордая и власт- ная; думалъ—посердится—и прой- деть, а оно не прошло... На другой день пришла и кислотой плесну- ла... Вотъ тебѣ и все... Знала, что люблю ее, знала хорошо, что не скажу, не донесу, и встѣ... сдѣлала. „Я, говоритъ, люблю тебя, но на злѣ гуляющей стану... Все равно ты не цѣнишь своего счастья...“.

— Была гулящая, проклятая, че- ловѣка глаза лишила, а все нило- чемъ, такой и осталась, отозвалась Марья.

— Молчи, Марья, не слѣдъ тебѣ такъ о бабѣ говорить, заоралъ Ми- хайло.

Марья надулась, зажгла лампу и сказала.

— Ступай, ступай уже... А то опять штрафованъ будешь. Сказа- ла на зло, чтобы сдѣлать непріят- ное Матвѣю.

— Да ты ужъ иди, Михайлъ, а то и, впрямь, изъ-за меня влетиши...

Ты, братъ, поговори тамъ съ Па- вель Семенычъ. Скажи, что здоровъ... Глазъ вотъ только. Ну да, вѣдь, въ глаза нашему брату не смотрять, жалостливо прибавилъ онъ.

Шарапьевъ доводъ оказался справед- ливымъ. Когда Михайлъ заговорилъ съ Павломъ Семенычъ и прибавилъ о глазѣ, тотъ сказалъ:

— Неважно, сойдетъ... Къ глазамъ ва- шимъ не присматриваются, а малый онъ расторопный, не пьющий. Къ Новому Году пусть приходитъ. Гостей будетъ много.

И Матвѣй поступилъ снова въ ресто- ранъ. Пришелъ онъ днемъ, смущенно здо- ровался съ товарищами, потомъ сразу освоился, готовилъ столы, убиралъ. Моментами ему казалось, что онъ и не уходилъ оттуда, что ничего не случилось, что тамъ дома сидить Наталья у швей- ной машинки и шьетъ кофточки.

Съ десяти часовъ вечера уже начали появляться гости, все больше мужчины, заказывали столики, цветы и уѣзжали.

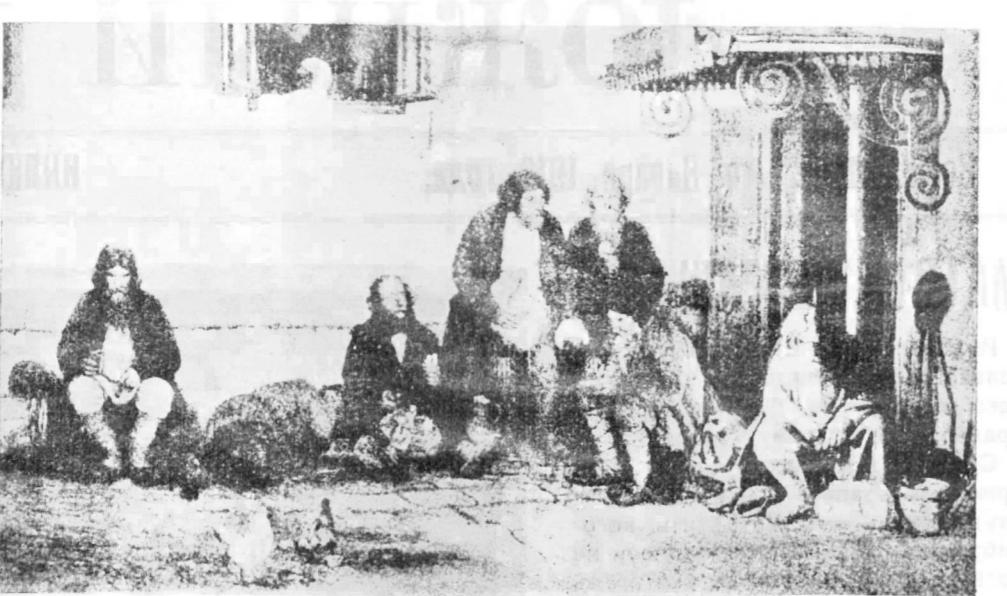
Матвѣй отрядили для отдельного каби- нета. Онъ перенесъ туда цѣлый садъ красныхъ гвоздикъ, разставлялъ ихъ въ вазы и съ увлечениемъ украшалъ столъ и окна.

Что-то радостное, никогда нецѣнимое наполняло его душу. Матовыя лампочки люстры въ кабинетѣ такъ ласково смо- трѣли на него, точно говорили: вотъ ты снова здѣсь, Матвѣй, и съ тобой мы встрѣтимъ Новый Годъ... И Матвѣй улы-

Г. Г. Мясоедовъ.

Художникъ, скончавшийся 17-го декабря.

"Земство обьдаєтъ".

Картина Г. Г. Мясоедова.

бался имъ, поправлять складки на гардинахъ и драпри.

Черезъ часъ Новый Годъ... Всѣ будуть ясными глазами, громкими голосами поздравлять другъ друга съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ... думалъ онъ въ привыкъ какой то странной нѣжности. И незамѣтно для него, далеко, въ глубинѣ души выросло желаніе найти любимую Наталью. Придти къ ней, сжать въ объятіяхъ, упасть на колѣни и сказать: Забудемъ прошлое, Наташка, съ Новымъ Годомъ тебя, съ новымъ счастьемъ, родимая... И наивному сердцу представлялось, какъ подходитъ она къ нему, гладить курчавую голову и говоритъ: — Забыла все, Матвѣй... Съ Новымъ Годомъ и съ далекимъ прежнимъ счастьемъ...

Онъ найдетъ ее, онъ найдетъ ее завтра, вертится мысль. Онъ не можетъ жить безъ царицы, неужели же она можетъ жить безъ раба... Онъ найдетъ ее, онъ придетъ къ ней...

Музыка заиграла на площадкѣ, въ концѣ зала. Задвигались стулья. Зашли входящая публика. Матвѣй Шаральевъ вышелъ изъ кабинета и сталь на дверяхъ.

Нарядные, веселые женщины, улыбающіеся мужчины, вокругъ цветы, бѣлонѣжная скатерть и музыка, нѣжная, тонкая, какъ дыханіе далекаго призрачного счастья...

...Свѣтлячки, свѣтлячки...

— Что это такимъ счастьемъ наполнилось сердце? думаетъ Матвѣй. Оттого ли, что онъ снова на старомъ мѣстѣ, въ привычной обстановкѣ; оттого ли, что завтра онъ пойдетъ къ Натальѣ, или оттого, что изъ всѣхъ свѣтлячкъ нарядныхъ женщинъ нѣтъ лучше ея!...

Не знаетъ Матвѣй. Но цѣлый рой невидимыхъ ангеловъ что то шепчетъ ему, бурныя мысли счастья и въ то же времена неясной, непонятной тревоги мутятъ его мозгъ, а кто то поетъ

...Свѣтлячки, свѣтлячки...

Метръ д'отель подошелъ къ Шаральеву.

— Все готово въ кабинетѣ?

— Такъ точно. Кромѣ шампанского.

— Неси.

Матвѣй шмыгнула въ буфетную.

Съ сияющимъ лицомъ, ловко подхватывъ вазу съ шампанскимъ, прикрытую салфеткой, несся онъ въ кабинетъ. Тамъ

А. А. Коринескій.

По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности.

Наступилъ Новый Годъ. До разсвѣта звенѣли бокалы, искрилось шампанское. Только не держали гордо головки цветы, не сверкали невинной бѣлизной скатерти, и не дыханье далекаго призрачного счастья было въ музѣ:

...Всѣ танцуютъ ойру, ойру...
ревѣли инструменты, разбивали свѣтлое...

Матвѣй слушалъ ихъ. Онъ сидѣлъ на кухнѣ, пиль остатки шампанского изъ бутылки. Въ душѣ не было горя. Широкой, раскаленной полосой желѣза кто-то выжегъ въ ней пустыню. И Матвѣй Шаральевъ, запивая водкой, оралъ:

— Съ счастьемъ новенѣкимъ, братья, съ годомъ новешенѣкимъ, здравія же-лаю!...

3. Грунина.

СМѢСЬ.

Рождественскій разсказъ князя Карагеоргіевича.

Въ рождественскомъ номерѣ "Figaro" помѣщены разсказъ князя Божидара Карагеоргіевича, двоюродного брата короля Петра. Этотъ разсказъ не лишенъ автобиографического интереса. Князю Божидару долгіе годы пришлось провести въ изгнаніи. Въ Парижѣ онъ зарабатывалъ себѣ средства къ жизни художественными чеканными работами. Когда же династія Карагеоргіевичей была призвана на престол Сербіи, жизнь князя Божидара сложилась въ како-то волшебный сонъ наяву.

Съ умилительной нѣжностью красокъ князь описываетъ свое возвращеніе въ Парижъ послѣ долгихъ годовъ пребыванія на родинѣ. Былъ какъ разъ вечеръ сочельника, и шумная столица свѣта притихла въ какомъ то торжественномъ покое.

Съ сердечнымъ трепетомъ князь переступилъ порогъ маленькой, бѣдной столовой, гдѣ онъ обѣдалъ въ тяжелую пору своей жизни. Словно милой сказкой пахнуло на него, и онъ радостно протянулъ обѣ руки горничной Марии, такъ же стройной и грациозной, какъ въ прежніе годы. Мария обрадовалась внезапному появлению старого гостя, о знатномъ происхожденіи котораго она не знала и котораго всегда считала бѣднымъ эмигрантомъ, заброшеннымъ въ чужой край. Цилиндръ князя сиялъ безъ

укоризненнымъ блескомъ, на немъ было пальто съ великолѣпнымъ бородавочнымъ воротникомъ, и Мария въ простотѣ своей душевной подумала, что онъ получилъ хорошее мѣсто, и принесла ему искреннѣйшіе поздравленія. Князь и горничная сѣли за незатѣйливый ужинъ и начали вспоминать милую старину. Поздно ночью князь вышелъ изъ бѣдной столовой, такъ живо напомнившій ему минувшіе годы. Когда же Мария обратилась къ "рабочему Игорю" съ просьбой открыть ей его настоящее имя и фамилию, князь шутливо назвалъ себя "добрѣмъ принцемъ изъ "Слящей красавицы" и оставилъ ей на прощаніе красивую драгоцѣнность собственной работы.

Сто тысячу долларовъ за десять строкъ.

Писательскіе гонорары достигли въ нынѣшнее время сказочныхъ размѣровъ. Въ доброе старое время даже геніальные писатели не могли уйти отъ нищеты. Писатели же конца XIX столѣтія проявили больше практической предусмотрительности, и нѣкоторые изъ нихъ оставили очень крупныя состоянія. Казалось бы, что буропламенному Виктору Гюго, съ его причудливо-пестрой судьбой и неугомоннымъ идейнымъ кипѣніемъ, самъ Богъ велѣлъ не заботиться о земныхъ богатствахъ и оставаться до конца свѣтскихъ дней привѣромъ писателя-бѣдняка. Между тѣмъ, послѣ смерти Гюго оказалось, что онъ оставилъ нѣсколько миллионовъ франковъ. Для широкихъ круговъ европейской публики, скжившейся съ традиціоннымъ образомъ писателя-бѣдняка, это явилось полной неожиданности. Въ романѣ одного изъ очень известныхъ писателей содержится такая любопытная бытоваая сцена. Богатѣйший фабрикантъ узнаетъ изъ газетъ о смерти Виктора Гюго. Онъ прглашаетъ въ свой кабинетъ своего бухгалтера и спрашиваетъ, кто этотъ Гюго, о которомъ такъ расписались газеты. "Французскій писатель", дѣловымъ тономъ отрапортовываетъ служащий. "Сколько онъ оставилъ послѣ своей смерти?" "Три миллиона", доложила подобострастная фигура и онъ мѣла въ ожиданіи дальнѣйшихъ вопросовъ. Банкиръ глубокомысленно покрутилъ головой и произнесъ одобрительнымъ тономъ: "Очень хорошая профессія".

Со днѣ смерти Гюго прошло около тридцати лѣтъ. За это время совершилась огромная эволюція писательскихъ гонораровъ. О гонсрахъ, получаемыхъ Прево, Киплингомъ, Конанъ-Дойлемъ, Уэльсомъ и другими, не могло и загадывать отошедшее въ вѣчность поколеніе литературныхъ стариковъ. Прево, напримѣръ, получилъ недавно сто тысячъ франковъ за предисловіе къ нашумѣвшему въ обѣихъ частяхъ свѣта "Опасному возрасту" Каринъ-Михаэлъса. Однако, у всѣхъ вѣщѣ есть обратная сторона, и наше время знаетъ также "писательскіе гонорары навыкращъ", т. е. судебные штрафы. Исторія европейской печати знаетъ примѣры миллионныхъ исковъ за безобидныя по существу газетные замѣтки, якобы причинившіе серьезный ущербъ интересамъ истцовъ. Но беллетристовъ Богъ до сихъ поръ миловалъ отъ этой напасти. Поэтому серье-

Наканунѣ Нового Года.

Щедрикъ — ведрикъ,
Кильце ковбаски!
Дайте вареникъ,
Ше того мало,
Грудочку кашки,
Дайте кусокъ сала!

"Гаданье у окна".

нао вниманія заслуживаетъ дѣло американского писателя Бургесса, недавно выступившаго въ свѣтѣ романъ изъ жизни калифорнійскихъ спекулянтовъ. Въ числѣ другихъ ловцовъ рыбы въ мутной водѣ удары плавниковъ и традиціонной треуголкѣ, среди облаковъ порохового дыма и оглушительного грохота орудій, что имѣтъ, пожалуй, трудно вообразить себѣ его въ роли книгопродавца. Однакъ, Наполеонъ, раньше, чѣмъ стать грознымъ повелителемъ Европы, долго бился въ тискахъ злой нужды. Ему было трудно содержать семью на полуниценское жалованье артиллерійскаго поручика. Одинъ англійскій

расѣній потрепанной части калифорнійскаго богача,—вотъ вопросъ, волнующій писательскіе круги Америки.

Предсказатель землетрясений.

На днѣхъ метеорологъ потсдамской метеорологической станціи Вальдманъ сдѣлалъ сообщеніе въ кругу своихъ коллегъ о новомъ изобрѣтеніи имъ метеорологическомъ приборѣ, которому суждено, повидимому, играть крупную роль въ практической жизни. Приборъ Вальдмана, который изобрѣтатель называлъ "предсказателемъ землетрясений", представляетъ собою очень чувствительный сейсмографъ, обладающій тѣмъ свойствомъ, что онъ отмѣчаетъ такъ называемыхъ предвестниковъ землетрясенія, тѣ весьма слабыя колебанія почвы, которая всегда бывають за нѣсколько сутокъ до начала тектоническихъ землетрясений и объясняются первоначальными сдвигами земной коры. Сдвиги эти бываютъ настолько незначительны, что всегда проходятъ незамѣченными.

Приборъ Вальдмана дастъ возможность обнаруживать ихъ, и обсерваторіи могутъ заглаворвеменно оповѣщать населеніе о грядущемъ несчастіи.

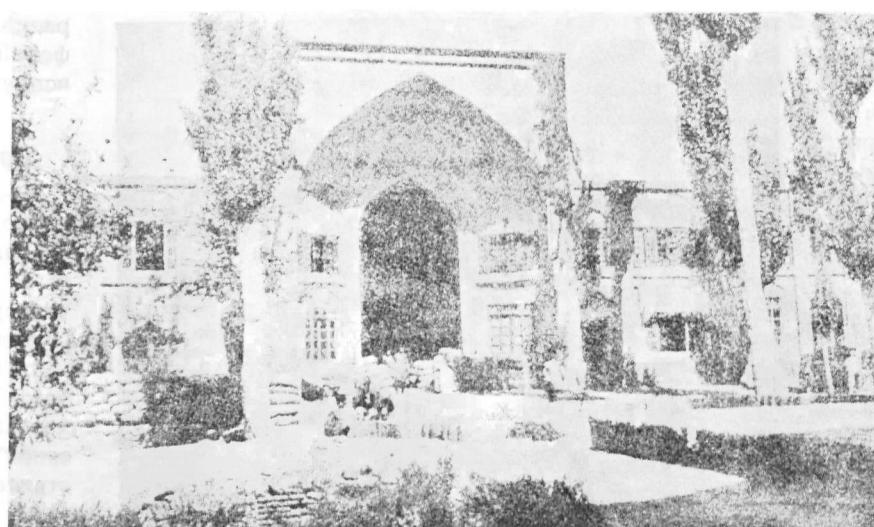
Императоръ Вильгельмъ I и Линдау.

Максъ Нордай въ своей послѣдней статьѣ въ "Revue" приводить любо-ытый анекдотъ изъ жизни императора Вильгельма I. Императоръ присутствовалъ на первомъ представлении пьесы Линдау "Графиня Леа". Послѣ послѣдняго паденія занавѣса императоръ пригласилъ автора пьесы въ ложу. "Ваша пьеса доставила мнѣ искреннѣйшее удовольствіе, сказалъ императоръ. Я только жалѣю о томъ, что титулованные офицеры играютъ въ вашей пьесѣ не особенно лестную роль", и императоръ простился съ авторомъ благосклоннымъ наклоненіемъ головы. Линдау ушелъ изъ ложи съ сияющимъ лицомъ. Но присутствовавшій при его разговорѣ съ императоромъ директоръ "Королевской комедіи" вернулъ его къ горькой дѣйствительности. "Какая жалость, что придется снять съ репертуара вашу талантливую пьесу!", "Вы этимъ навлекли бы на себя неудовольствіе императора, столь милостиво отзавшагося о пьесѣ". Но искушенный долгимъ опытомъ царедворецъ разъяснилъ ему истинный смыслъ высочайшаго одобрения. "У императора привычка выражать свое одобрение въ весьма сдержанной формѣ. Онь избѣгаетъ сильныхъ выражений..."

Наполеонъ въ роли книгопродавца.

Приверженцы культа Наполеона такъ скились съ образомъ великаго завоевателя въ сѣромъ походномъ плаще и традиціонной треуголкѣ, среди облаковъ порохового дыма и оглушительного грохота орудій, что имѣтъ, пожалуй, трудно вообразить себѣ его въ роли книгопродавца. Однакъ, Наполеонъ, раньше, чѣмъ стать грознымъ повелителемъ Европы, долго бился въ тискахъ злой нужды. Ему было трудно содержать семью на полуниценское жалованье артиллерійскаго поручика. Одинъ англійскій

журналъ передаетъ за достовѣрное, что Наполеонъ въ трудную минуту жизни явился къ парижскому издателю Буланже съ предложеніемъ своихъ услугъ по распространенію только что вышедшей тогда изъ печати "Исторіи революціи". Книга пошла въ ходъ, и Наполеонъ вошелъ во вкусъ новаго занятія. Спустя нѣсколько времени, онъ явилъся къ Буланже на этотъ разъ съ просьбой о представлении ему исключительного представительства фирмы въ Вандейскомъ департаментѣ. Буланже отвѣтилъ ему, что фирма не можетъ положиться на его незначительный профессіо-

Видъ Тавриза.

Одинъ изъ караванъ-саареъ на базарѣ.

— Откуда вы знаете такія подробности семейной жизни профессора? Вы, должно быть, близкіе родственники?

— Большѣ того — у насъ общая прачка.

(„Fleg. Bl.“).

нальный опытъ. Будущій императоръ Франціи, двадцать лѣтъ спустя сажавшій на престолы Европы бывшихъ конюховъ, долженъ былъ удовлетвориться болѣе скромнымъ масштабомъ дѣятельности: Буланже назначилъ ему самое захудалое предмѣстіе Парижа. Англійскій журналъ утверждаетъ, что въ Луврѣ хранится составленный Наполеономъ списокъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ рѣшилъ обратиться съ предложеніемъ приобрѣсти "Исторію революціи".

Современные историки и американские миллиардеры.

Великій Наполеонъ когда-то сказалъ: "Я самъ свой предокъ". Золотые короли Америки, невѣроятными напряженіями труда и врожденныхъ дарованій выбившіеся изъ бѣдности,

заражены аристократическими притязаніями и не щадятъ крупныхъ затратъ, лишь бы войти равноправными членами въ высшій кругъ англійской и французской знати, къ которой они преисполнены чувствомъ слѣпого обожанія. Даже Рокфеллеръ, человѣкъ съ совсѣмъ демократическими взглядами на жизнь, на старости лѣтъ сдался на увѣренія своего придворного исторіографа и впрямь повѣрилъ, что въ его жилахъ течетъ "благородная" кровь принцевъ Кларенсъ. Эта титуломанія, принявшая въ послѣднее время чрезвычайно бурныя "формы", даетъ очень хороший зарплатъ многимъ "историкамъ". Они буквально въ потѣ лица отряхаютъ архивную пыль съ древнихъ документовъ, хранящихся въ Британскомъ музѣѣ, и ищутъ титулованныхъ

предковъ на погребу своихъ заокеанскихъ заказчиковъ. Случайного совпаденія фамиліи какого-нибудь Астора съ фамиліей княжескаго рода, кости послѣдняго потомка которой давно уже истѣли въ могилѣ, вполнѣ достаточно для нихъ, чтобы составить для своего патрона пышное генеалогическое дерево, которымъ могъ бы удовлетворить аристократъ самыхъ что ни на есть древнихъ кровей.

Потребленіе алкоголя.

Нѣмцы высчитали, что больше всего пьютъ въ Даніи — 24 литра водки въ годъ приходится на датчанина, не считая пива. На шведа — 9 литровъ, на француза — 10, на англичанина — 6 литровъ алкоголя, на бельгійца — 9, на русскаго — всего 5 литровъ. Самый трезвый народъ — итальянцы, пьютъ немногого болѣе одного литра алкоголя въ

годъ. Но зато итальянцы выпиваютъ по два литра пива и 98 литровъ — вина; на англичанина приходится 152 литра пива. Русскій пьеть столько же литровъ пива, сколько и водки — 5 литровъ, а вина ему не приходится пить. То количество вина, которое потребляетъ интеллигентія, будучи выражена въ среднихъ числахъ, представляеть собою ничтожную величину. Что касается нѣмцевъ, то въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ странахъ приходится 240 литровъ пива на человѣка... и болѣе! Такъ, въ Нюренбургѣ пьютъ 325 литровъ, во Франкфуртѣ — 432, въ Мюнхенѣ — 570 литровъ. Въ Мюнхенѣ ежедневно вы-

— Какъ хорошо что мы встрѣтились: я теперь могу отдѣлаться отъ визита.

(„Fleg. Bl.“).

пиваются цѣляя рѣки пива. Мюнхенская жажды неутолима и непостижима. Итакъ, вопреки многоразличнымъ жалобамъ на русское пьянство, оказывается, что русскій человѣкъ сравнительно еще трезвъ. Если бы русскій пиль столько же вина, сколько пьеть датчанинъ, то доходъ отъ винной монополіи у насъ превышалъ бы $3\frac{1}{2}$ миллиарда. Разница, должно быть, въ томъ, что заграниценный человѣкъ пьеть и аккуратно ложится спать, а русскій человѣкъ покупаетъ на грошъ пятаковъ и безчинствуетъ. Заграницей "мальчикъ въ штанахъ", а въ Россіи — "безъ штановъ".

